

ФУНКЦИИ СВЯЩЕННЫХ ЧИСЕЛ В ПОЭТИКЕ СКАЗОК

Аннотация: В данной статье впервые в качестве объекта исследования взяты различные функции священных чисел в поэтике сказок. Также рассматривается история развития функций чисел от магических до художественных.

Ключевые слова: священные числа, магические числа, фольклор, мотив, структура, функция, сюжет, сказка, поэтика.

Auyesbayeva Pakizat Tenizbayevna
Institute of Literature and Art named for M.O. Auezov
Almaty, Kazakhstan

FUNCTIONS OF SACRED NUMBERS IN THE POETICS OF FAIRY TALES

Abstract: In this article, for the first time, various functions of sacred numbers in the poetics of fairy tales are taken as the object of research. The history of the development of functions of numbers from magical to artistic is also considered.

Key words: sacred numbers, magic numbers, folklore, motive, structure, composition, function, plot, fairy tale, poetics.

В казахской фольклористике в целом поэтика «священных чисел» никогда еще не становилась объектом исследования. Первым, кто говорил о том, что в фольклоре казахского народа очень много священных чисел, особенно часто встречаются цифры 7 и 9, был Г.Н. Потанин [Потанин, 1900]. Рассматривая различные фольклорные жанры, ученые делали короткие выводы относительно исследуемых ими аспектов, но в целом вопрос остается открытым. Ученые-лингвисты в этом вопросе имеют хорошие результаты.

В русской фольклористике в целом сложилась практика научного анализа поэтических функций чисел [Жуковская, 1980, с. 34-36; Сыркин, Топоров, 1968, с. 116; Фролов, 1974; Фролов, 1975, с. 58-62; Фролов, 1978, с. 106-115; Давыдова, 1978, с. 15-20; Хроленко, 1981, с. 130-137; Хроленко, 1972, с. 74-82; Иванова, 1921, с. 513-529]. Появление магических чисел связано с незрелым сознанием древних людей, не понимавших характера природных явлений. Наделение «священным» значением определенных чисел, воспринимаемых в единстве с таинственным миром, корнями уходит во времена, когда считалось, что и зло, и добро должны иметь причины, и до сегодняшнего дня эти числа имеют магическую нагрузку. У разных народов, в том числе среди тюркских народов, свойства священных чисел неодинаковы. Соответствующее понятию о четырех сторонах света число «четыре» в некоторых случаях имеет сакральное значение, а у узбекского народа число «пять» наделено особым магическим значением. Исследователь М. Жураев отмечает, что такие обороты, как «жизнь, длиною в пять дней», «за пять дней до смерти» и др. тесно связаны с древними понятиями народа, и поэтическая ассоциация числа 5 связана с первой функцией пяти пальцев как инструмента счета [Жураев, 1987]. Поэтому за основу этой статьи будут взяты присущие понятию казахского народа числа, а также будут упомянуты похожие параллели у других народов.

Например, у подавляющего большинства народов мира есть понятие о «сакральности числа три». В поэтической структуре сказок данное числительное выполняет важную композиционную функцию: три брата, три сестры, три условий в трех попытках, трехкратное заклинание, трехкратное окуливание, трехкратное повторение сюжетных элементов, три препятствия, три вопроса, три поединка, три испытания, трехглавый дракон, три друга, три наставления и т.д.

В зачине сказки со словами: «Давным-давно жил один царь. У царя было три сына. Старшего звали Асан, среднего – Усен, а самого младшего – Хасан» [Бабалар созы, 2011, с. 80] дается представление о главном герое. А характер препятствий и испытаний, выпавших на долю героев сказок в композиционном ряду, передается так: «Три брата пошли дальше по широкой дороге. В один из дней дорога разветвляется в трех направлениях: одна – направо, другая – налево, третья – прямо» [Бабалар созы, 2011, с. 80]. Это является испытанием на смелость героя перед дальней дорогой, а также играет огромную роль для того, чтобы заинтересовать слушателя и чтобы он уже в начале предвкушал услышать о захватывающих приключениях.

В целом пути развития семантических смыслов сакральных чисел можно рассматривать в трех направлениях.

1) Сакральные числа, имеющие общие корни с мифологическо-космогоническими понятиями древних эпох.

2) Числа, связанные с религиозными понятиями.

3) Сакральные числа как художественное средство гиперболы в произведениях народного творчества.

Конечно, о применении, изменениях чисел с сакральными значениями можно говорить много и с разных точек зрения. Но мы ограничимся лишь кругом вопросов поэтики сказок. «Применение числа три в широком смысле, придание ему сакральности основано на понятиях о трех частях мира, мироздания. Это отразилось и в мифологии Индии, Китая, Вавилона, Сибири и тюркских народов» [Евсиков, 1988, с.176].

У первобытных людей сложилась целая философская система о поверхности земли, о подземном и небесном мирах на основе понятий о небесном мире, подземном мире, помимо конкретных мест их проживания – поверхности земли. То есть, любому обстоятельству, «имеющему отношение к числу три» (троекратные действия, ритуалы, числа, вещи, явления и т.д.) придавалось магическое содержание.

В сказках магическое значение числа «три» «рассматривалось в рамках осуществления действия, и направлено на усиление фантастического содержания сказки. «Сын старухи сказал: «Матушка, ты не плачь, принеси мне тело отца». Положив тело перед собой, он трижды произнес заклинание, после чего старик очнулся. На рассвете сын сказал отцу: «Отец, ты возвращайся к Бабахану, он поступит с тобой, как пожелает, но ты не бойся». Старик послушался сына, вернулся к хану, и снова попросил отдать за сына ханскую дочь. Хан сказал: «Этот голодранец решил со мной шутки шутить!», и приказал разрубить старика на мелкие кусочки, а потом погрузить все на его же осла и прогнать прочь. Сын старика снова собрал отца по косточкам и оживил его. И в третий раз отправил к хану. На этот раз хан разозлился еще больше, приказал размолоть его на мельнице. «Этот старик, наверное, бессмертный, поглядим-ка еще раз» подумал хан и погрузил мешки с порошком на осла. Сын, как обычно, опять воскресил отца, и в четвертый раз отправил к хану. Теперь хан испугался: «Сын этого старика, наверняка станет напастью на мою голову, будь что будет, не скажу, что не отдам дочь, а потребую за дочь много скотины, ведь у него все равно ничего нет» подумал хан и созвал на совет всех своих везирей, биев и беков» [Бабалар созы, 2011, с.15]. «Старуха не знала во сне или наяву это произошло, через какое-то время пришла в себя и рассказала сыну о случившемся. На следующий день сын опять отправляет ее к хану свататься к его дочери. Хан видит, что старуха опять пришла во дворец и подметаает двор. Как только он узнал, что это – вчерашняя женщина, то велел своим рабам бросить ее в темницу, а также отправил дочерей своих, чтобы они проследили за рабами. Рабы на глазах ханских дочерей бросили старуху в темницу. А старуха опять оказалась не в темнице, а у себя в доме. Оказавшись дома, она все рассказала сыну. Сын третий раз отправляет старуху сватать за него ханскую дочь. На третий раз сам хан собственноручно порубил на куски и сжег. После этого юноша собрал золу того самого зеленого камня, оживил старуху и опять вернул домой» [Бабалар созы, 2011, с. 29].

Враг героя сказки тоже не простой смертный. Он – мифологический образ, обладающий невероятной силой и способностями. «Одноглазый Дэв боролся три дня и три ночи, но под конец сдался и упал со страшным ревом». «Подойдя к месту старта, Шалкуйрык заговорил человеческим голосом:

– Если забег будет на длинное расстояние, то я могу набрать слишком большую скорость. Если буду скакать три дня, то может так случиться, что я не смогу остановиться на финише. Когда я буду приближаться к финишу, натяни веревки. Веревки должны быть трех видов, одна должна быть конопляной! Если порвутся все три веревки, то меня ты больше не увидишь, значит, я не смог сбавить скорость, а если ни одна не порвется, то я свалюсь и тоже умру, и в этом случае считай, что меня больше не будет рядом с тобой. Если веревки порвутся наполовину, тогда я остановлюсь, и даже если упаду, ты не теряй надежду, душа вернется ко мне!» [Бабалар созы, 2011, с. 25-26]. «Когда он поднял голову, то увидел, что рядом сидят те самые три девушки, он понял, что это они оживили его. И он всех троих взял в жены. Три его жены сказали: «Мы никуда не пойдём. Ты иди, и отомсти своему врагу, который вчера увел твою младшую сестру! Еркама Айдар взял еду на дорогу, одел неизносимую одежду, сел на гнедого и отправился в путь» [Бабалар созы, 2011, с. 76]. «На той горе всегда охотился охотник по имени Сурмерген. Сурмерген не возвращался с охоты раньше чем через три месяца. Однажды, во время охоты, перед Сурмергеном побежали три марала» [Бабалар созы, 2011, с. 70].

Здесь относительно охоты число «три» применено для передачи действия и имеет предметное значение. Магический символ числа «три», имеющий общие корни с мифологическим понятием о трех составляющих мира (небесный мир, поверхность земли и подземный мир) с течением времени становится поэтической формулой.

Магический характер числа «семь» стал больше проявляться в эпоху Тюркского каганата. Общие для народов Средней Азии понятия о созвездии «Жети каракшы» – семь страж (Большая медведица) указывают на древность этого понятия. Например, семь помощников, семь страж, семь сыновей, семь хлебов, семь крыльев, семь голов, семь пластов под землей и над небом, семь совершенных духовных учителей и т.д. Раскрытие связи между причинами возникновения этих понятий и мерой времени как «время, протяженностью в семь дней» – это вопрос, который может стать темой для специального исследования. Чаще встречается мифический облик, определяющий особую суть противников персонажей героических сказок – семиглавого чудовища или семиглавого дракона.

«Однажды младший брат сказал старшему:

– Не гоже нам, двум холостякам, и дальше жить в нашем дворце, пришло время жениться вам. Царь какой-то страны объявил, что отдаст свою дочь тому, кто избавит его страну от семиглавого дракона. Вы поезжайте туда, убейте дракона, и женитесь на царской дочери!» [Казак ертегилери, 1988, с.140].

Здесь герой сказки спасает от семиглавого дракона весь народ страны, где проживала его будущая невеста. А в сказке «Еркам Айдар» герой бесстрашно отправляется добыть кровь чудовища, чтобы спасти сестру. Эта сказка демонстрирует бесстрашие храброго героя.

«Я слышала, что в тех краях обитает семиглавое чудовище, мне нужна ложка крови того чудовища. Я могла бы выздороветь, если выпью эту кровь. Еркам Айдар отправился в поиски того семиглавого чудовища, и в один из дней увидел одинокий дом, стоящий в степи» [Казак ертегилери, 1989, с.100].

Параллельное применение в сказках числе 3 и 7 усиливает притягательность событий, также многократно возрастает художественность текста, что пробуждает интерес к познанию таинственного и неизвестного. Например, «Дом запирался на три двери, пройдя через две двери, подошел к третьей, за которой увидел красивую девушку, окруженную семью великанами. Они громко спорили между собой, каждый из них хотел, чтобы красавица досталась именно ему» [Казак ертегилери, 1988, с.75].

В сказках в целях передачи каких-то эпизодов гиперболически или для демонстрации необычных свойств героя часто применяется и число 9. Число «девять» часто встречается в поэтическом познании тюркских народов и воспринимается как символ счастья, успеха и добра. Девять братьев, на перекрестке девяти дорог, девятикрылая птица.

Часто встречается в зачине сказки для передачи необычного появления героя, рождение которого было долгожданным и желанным всеми, поскольку он рождается на счастье народа. Например: «...Когда наступило девять месяцев и девять дней, у женщины начались схватки, и она родила. Родился крупненький и беленький мальчик. Родители были на седьмом небе от счастья, и дали ребенку имя «Кендебай».

Жеребенок рос не по часам, а по минутам. За шесть месяцев он стал уже взрослым и крупным конем. Конь был мухорто-саврасого окраса. Кендебай объездил Керкулу и на нем охотился днями и ночами. Керкула был невероятно быстрым, если он догонял, то никого не упускал, а если убегал, то никто не мог его догнать, а сам он мог догнать и схватить зубами летящую птицу. Кендебай мог увидеть и мигом догнать на своем коне – Керкуле кулана, убегавшего за шестью горами и поймать его за хвост» [Бабалар созы, 2011, с.54-55].

«После завершения пиршества Ерназар начал подготовку для женитьбы своих девяти сыновей. Ищет девять невест. Посещает много стран и мест для того, чтобы найти девять невест из одной семьи. Но такого, чтобы в одной семье было девять невест, не было» [Бабалар созы, 2011, с. 12].

«...Войдя в дом, Ерназар увидел восемь пар серег, висящих на кереге, и заплакал.

Хозяйка дома спросила Ерназара:

– Почему Вы плачете?

– Я плачу, потому что у меня девять сыновей, ищу девять невест для них; как мои девять сыновей родились от одной матери и одного отца, хочу, чтобы их невесты тоже были дочерьми одной матери и одного отца, обрадовался, увидев много серег на кереге, подумал, что достиг своей цели, но когда посчитал, их оказалось меньше на одну пару, и это меня расстроило, – ответил Ерназар.

– Тогда не плачь, есть еще одна пара, вот она! – сказала хозяйка, и принесла пару, висящую отдельно» [Бабалар созы, 2011, с. 14-15].

Ученые в своих трудах подробно изучили и высказали мнение о том, что появлению понятия о сакральности числа «девять» послужило увеличение в три раза сакральности числа «три». Особенно, в двух значениях применяется число «девять» в фантастических сказках при передаче необычных свойств мифологических героев, а именно для того, чтобы показать, что они обладают «несколькими жизнями». Во-первых, как средство передачи особой природы другого персонажа, его непохожесть, отличительность от

людей. Во-вторых, для восхваления подвига батыра, победившего противника, отличающегося своей природой и обладающего невероятными способностями.

«Моя душа находится далеко, я храню ее далеко от себя, у родника с камышами пасутся сорок косуль, среди них есть темномухортая косуля, внутри которой есть девять черных сундуков, внутри самого маленького из них есть девять цыплят, они и есть моя душа. Знай об этом. Если у тебя душа не вмещается в груди, то отнеси и положи ее туда, но пусть никто не узнает об этом, а если кто-то узнает, то ни тебе, ни мне не жить, – сказал он, а затем лег и уснул» [Бабалар созы, 2011, с. 34].

Понятие «девять», используемые для представления героя как обладающего сакральными качествами, в отличие от остальных братьев, в сказке «Ертостик» указывает на древний семейный обычай (эндогамия). Этим восхваляется время, когда царил единство в роду, было в почете общие ценности родства. Зачастую параллельное применение чисел 7 и 9 дает значение, соответствующее таким человеческим качествам, как щедрость и доброжелательность.

«Как говорится, «От хорошего человека – всегда добро», благодаря вам пусть вылечится этот народ. А мы возьмем красное золото, весом с груза на девять верблюдов, потом поделимся! – сказал.

Тогда Жолдас ответил:

– Я никогда не делаю добро за плату, на этот путь я ступил ради тебя. Поэтому я за семь дней вылечу этот народ. Сколько бы они не дали, все будет твоим [Бабалар созы, 2011, с. 212]».

В сказках сохранилось много примеров магического значения числа 40, которое для сознания древнего человека, не владевшего счетом, означало понятие «много». Как мера времени и пространства: место на расстоянии в сорок дней езды или название магического предмета: казан с сорока ушками, веревка в сорок размахов руки. В значении множества относительно человека: сорок джигитов, сорок девушек, сорок разбойников и в мусульманской мифологии: «сорок чильтанов», «один из сорока – Хызыр», «сорок визирей» – наряду с этими понятиями название циклизированного казахского эпоса «Сорок батыров Крыма» также связано с сакральностью этого числа. К примеру, для того, чтобы гиперболически передать меткость батыров сказок говорят так: от выпущенной им стрела «ушки сорока иголок делятся на сорок частей». Показывает количество сыновей и дочерей одних родителей: «Давным-давно жил хан по имени Ауезхан. У него было сорок сыновей. Была у него мечта «Найти для них сорок невест из одной семьи». Проходят несколько лет, и однажды хан услышал, что у одного богача есть сорок дочерей. Хан послал гонца к этому богачу, чтобы договориться о выкупе за невест и посвататься [Бабалар созы, 2011, с. 38]».

Число товарищей героя, отправившегося за невестой, а соответственно и девушек соответствует числу 40. Как символ их молодости, полной веселья и радости – торжество по случаю женитьбы также связано с данным числом, который стал устойчивой формулой. «Акбай искал красивую девушку, достойную стать его женой везде, куда только могли добраться ноги его коня, но не нашел такую. А в это время в какой-то стране дочь богача устраивала тридцать дней игрища, сорок дней пиршества. Акбай, взяв сорок джигитов с собой и проведя пятнадцать дней в пути, прибыл в эту страну. ...Акбай в течение трех месяцев смог отгадать и подготовить вид, масть, возраст скота, загаданных девушкой, и приходит в ее аул со своими сорока джигитами. В ауле девушки они гостили семь дней» [Бабалар созы, 2011, с. 15].

Хан поставил перед старухой условие: «Эй, старуха, так уж быть, отдам я тебе свою дочь, но за выкуп потребую от тебя сорок иноходцев с черно-белыми ногами, сорок быстрых скакунов, и пусть они будут одного цвета с одинаковой меткой, сорок одногорбых верблюдов – пусть будут одного цвета, сорок коров одного цвета, сорок баранов одного цвета и с однокоровой меткой... вот тогда я отдам тебе свою дочь». Хан думал, что этим он успокоил старуху и избавился от нее» [Бабалар созы, 2011, с. 29]. «Он поведал об увиденном, начиная свой рассказ словами: сорок семь лет занимаясь охотой, я сегодня впервые столкнулся с такой ситуацией, и по указке трех немых маралов добрался до тебя».

Применение магических чисел, выполняющих эстетические и информативные функции как основные сюжетные элементы сказки, связано с особенностями жанра. Например, понятие «семь пластов земли» в мифе, в отличие от подобного же понятия в сказке, означает незрелое представление о фактической небесной сфере, а в сказке оно является как поэтическое средство. Важным элементом художественности является изображение времени и пространства: действия, обстоятельства, характер пиршества и войны, время на выполнение условия, возрастные особенности. То есть, древние магические значения чисел 3, 7, 40 сохранились в сказках.

В заключение можно сказать, что функции чисел, считающихся актуальными в фольклористике в целом, в том числе в сказке – очень многообразны, и требуют глубокого изучения. К примеру, если взять только число 7, то оно в разных жанрах фольклора выполняет разные функции. Конечно, истоки первоначальных

мифических понятий, хоть и сходятся в одном значении, но согласно законам жанрового вида и своей поэтической сути выполняют различные функции. Поэтому не только форма, но и смысловой потенциал каждого сакрального числа – это понятия, сложившиеся в тесной связи с многовековым развитием познания. И с этим связаны сложность и тонкость проблемы.

Литература

Бабалар созы. Жузтомдык. 74 том: Киял-гажайып ертегилер (Волшебные сказки). Астана: Фолиант, 2011. 424 б. (на казахском языке).

Бабалар созы. Жузтомдык. 75 том: Батырлык ертегилер (Богатырские сказки). Астана: Фолиант, 2011. 424 б. (на казахском языке).

Давыдова О.А. Числительное в русских пословицах и поговорках: Специфика фольклорной лексики и фразеологии. Курск, 1978. С. 15-20.

Евсиков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988. 177 с.

Жуковская Н.Л. Семантика чисел в калмыцком эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: Материалы Всесоюз. науч. конф. Элиста, 17-18 мая 1978. М., 1980. С. 34-36.

Жураев М. Магические числа в узбекских народных сказках. Ташкент, 1987. 160 с.

Иванова З.П. Типичные числа в болгарских народных песни. Известия на семинаре по славянска филология при университета в София. Кн. 4. София, 1921. С. 513-529.

Казак ертегилери (Казахские сказки). 3 том. Алматы: Жазушы, 1988. 320 б. (на казахском языке).

Казак ертегилери (Казахские сказки). 4 том. Алматы: Жазушы, 1989. 304 б. (на казахском языке).

Потанин Г.Н. Отголоски сказки об Еруслане // Этнографическое обозрение. М., 1900, № 4.

Сыркин А.Я., Топоров В.Н. О триаде и тетраде. III-летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы. Тарту, 1968. С. 116.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. 239 с.

Фролов Б.А. Персонаж с семью лучами на скальном искусстве // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 58-62.

Фролов Б.А. Палеолитическое искусство и мифология // У истоков творчества. Новосибирск, 1978. С. 106-115.

Хроленко А.Т. Числительные в разных жанрах фольклора // Научно-практические очерки по русскому языку. Курск, 1972. С. 74-82.

Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981. 163 с.